

Редкин Петр Григорьевич

**Из лекций заслуженного
профессора, доктора прав П.Г.
Редкина по истории философии
права в связи с историей
философии вообще**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
ПЗ0

ПЗ0 **Петр Григорьевич Р.**
Из лекций заслуженного профессора, доктора прав П.Г. Редкина по истории философии права в связи с историей философии вообще / Редкин Петр Григорьевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 454 с.

ISBN 978-5-519-80442-4

ISBN 978-5-519-80442-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1860 году, проѣздомъ черезъ Берлинъ, въ послѣдній разъ я посѣтилъ Савиньи, жившаго тамъ уже на покой и умершаго на слѣдующій же годъ, восьмидесяти слишкомъ лѣтъ отъ роду. У этого знаменитаго юриста-цивилиста-романиста (т.-е. спеціально занимавшагося римскимъ гражданскимъ правомъ) въ бытность его профессоромъ Берлинскаго университета, мнѣ посчастливилось въ началѣ тридцатыхъ годовъ, выслушать курсъ римскаго гражданского права, отличавшійся необычайною для нѣмецкихъ юристовъ ясностью и простотою изложенія.

Но съ этимъ всѣмъ извѣстнымъ основателемъ такъ-называемой исторической школы юристовъ меня сблизило не столько сказанное обстоятельство, сколько то, что я вмѣстѣ съ моими товарищами—молодыми русскими юристами—чрезъ посредство графа Сперанскаго былъ порученъ руководительству Савиньи на время нашего пребыванія въ Берлинѣ, когда наше правительство отправило насъ за границу для усовершенствованія въ наукахъ, имѣвшаго цѣлью приготовить насъ къ занятію юридическихъ кафедръ въ нашихъ университетахъ.

Савиньи вспомнилъ меня и принялъ съ искреннимъ радушіемъ, которое раздѣлила съ нимъ и его жена, рожденная Брентано, родная сестра Беттины Арнимъ, извѣстной своей перепиской съ Гёте.

Послѣднее сочиненіе Савиньи: „System des heutigen römischen Rechts“, 8 B-de, Berlin, 1840 - 1849, и продолженіе

его: „*Obligationenrecht*“, 2 B-de, Berlin, 1851—1853, оставалось неоконченнымъ, а между тѣмъ, по общему признанію, оно ставило Савиньи на ту высшую ступень славы, которой достигъ для своего времени въ XVI-мъ столѣтіи французскій юристъ-цивилистъ-романистъ Гуго Донеллусъ (латинизированная фамилія—Doneau), авторъ сочиненія: „*Commentarii de jure civili*“, 16 томовъ, Nürnberg, 1801—1834, обширнаго систематическаго курса римскаго гражданскаго права и судопроизводства.

Между мной и Савиньи начались разспросы, столь естественные послѣ долгой разлуки. Я, между прочимъ, спросилъ его о томъ, что, разумѣется, наиболѣе должно было интересоваться меня, какъ ученика такого прославившагося современнаго юриста; я спросилъ Савиньи: приготовляетъ ли онъ къ печати продолженіе своего вышеупомянутаго сочиненія, прерваннаго имъ еще въ 1853 году?

На этотъ вопросъ поспѣшила отвѣтить мнѣ его жена, очень умная, живая старушка, говоря, что она отняла у мужа бумагу, перья и чернила, чтобы онъ не вздумалъ заниматься продолженіемъ своего сочиненія; отвѣтъ свой она заключила такою рѣзкою, но общеупотребительною у нѣмцевъ фразою: „jetzt kann er nur lauter Dummzeug schreiben“.

Савиньи, не столько въ знакъ своего согласія съ такимъ жестокимъ приговоромъ жены, сколько высоко цѣня ея ревностную заботливость о его славі, помраченія которой она опасалась, не возразилъ ни однимъ словомъ на это замѣчаніе, а только добродушно улыбнулся.

По ассоціаціи представленій, этотъ совершенно вѣрный анекдотъ невольно вспомнился мнѣ, когда я въ прошедшемъ году затѣялъ тотъ обширный трудъ свой, начало котораго теперь предлагаю въ особенности бывшимъ моимъ слушателямъ, исполняя тѣмъ ихъ же собственное желаніе, выраженное мнѣ ими много разъ.

5-го октября 1888 года исполнилось мнѣ ровно восемьдесятъ лѣтъ отъ роду. Такъ я достигъ тѣхъ лѣтъ, когда жена гениальнаго Савиньи, изъ опасенія помраченія его славы, отняла у него возможность продолжать то самое сочиненіе, которое, по его окончаніи, могло бы возвысить эту славу до

ся апогея. Да и вообще въ эти годы люди благоразумные не затѣваютъ никакого *новаго* труда, по безнадежности приведенія его къ надлежащему концу или изъ опасенія, что этотъ трудъ даже доведенный до конца, окажется недостойнымъ ихъ и даже неприносящимъ предполагаемой пользы.

Я вовсе не заносчивъ, а потому не думаю сравнивать себя съ такимъ первокласснымъ ученымъ, какимъ безспорно былъ Савинъ, имѣвшій полное право бояться помраченія славы, имъ уже пріобрѣтенной. Я также и не настолько самонадѣянъ, чтобы считать себя исключеніемъ изъ общаго правила, грозящаго неудачей всякому новому дѣлу, предпринятому въ годы глубокой старости. Несмотря на все это, я твердо рѣшился продолжать начатый мною обширный трудъ, если даже мнѣ и не удастся довести его до желаемого мною конца, и вотъ чѣмъ я извиняю и даже оправдываю такую свою твердую рѣшимость, похожую съ перваго взгляда на упрямство, прирожденное мнѣ, какъ малороссу.

Во-первыхъ, я продолжаю чувствовать въ себѣ и непреодолимую потребность, и достаточную силу продолжать трудиться на разъ—какъ бы инстинктивно—избранномъ мною предметѣ университетскаго профессора, какъ преподавателя той науки, которая названа была у насъ Энциклопедіей права, и отъ которой я не отвлекался даже въ промежутокъ между занятіемъ мною кафедръ по этому предмету сперва въ Московскомъ, а потомъ и въ Петербургскомъ университетахъ. Я такъ свыкся съ моими профессорскими занятіями, что безъ нихъ чувствую въ своей жизни такую пустоту, которая лишаетъ меня и бодрости, и свѣжести духа, погружая въ тоску и апатію. Далѣе, я давно усвоилъ себѣ привычку начинать каждый день такъ, какъ будто я собираюсь жить снова, что я и выразилъ въ избранномъ мною девизѣ: „ежедневно снова жить“.

Наконецъ, въ довершеніе сказаннаго, замѣчу, что принятый мною трудъ вовсе не есть дѣло *новое*, а лишь реставрація, возстановленіе, воспроизведеніе *старого* дѣла. Я думаю сдѣлать, такъ сказать, „разсчетъ съ жизнью“, какъ выразился незадолго до своей смерти, умершій въ глубокой старости, бывший нѣкогда моимъ начальникомъ въ качествѣ

поисчителя Московскаго учебнаго округа, графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ, когда я здѣсь, въ Петербургѣ, засталъ его однажды за разборомъ его бумагъ, изъ которыхъ однѣ онъ рвалъ, а другія откладывалъ на сохраненіе; я также собралъ уцѣлѣвшія у меня записки, которыя я имѣлъ обыкновеніе составлять собственно только для приготовленія къ лекціямъ, а не для печати. Сначала я привелъ ихъ въ порядокъ, а затѣмъ мнѣ начали читать ихъ, и, послѣ прочтенія какого-либо отдѣла, я дѣлалъ изъ нихъ выборку, извлеченіе, сохраняя при этомъ однѣ и уничтожая другія, и, наконецъ, изъ выбранныхъ мною на сохраненіе извлеченій изъ моихъ лекцій я старался составить нѣчто цѣлое — сводъ курсовъ разныхъ годовъ. Въ такомъ-то смыслѣ и далъ я своему труду общее заглавіе: „Изъ лекцій“ и т. д.

Я рѣшился начать изданіе извлеченій изъ моихъ лекцій со второй части Энциклопедіи Права, а не съ первой ея части, т.-е. не съ Энциклопедіи юридическихъ и политическихъ наукъ, потому что считаю Исторію Философіи Права—особенно если излагать ее въ связи съ Исторіею Философіи вообще—имѣющею болѣе общій интересъ, нежели Энциклопедія юридическихъ и политическихъ наукъ, могущая интересовать собственно только юристовъ.

Извлеченіямъ изъ лекцій по Исторіи Философіи Права въ связи съ Исторіею Философіи вообще я предпосылаю пятнадцать вступительныхъ лекцій—за всѣ пятнадцать лѣтъ моего преподаванія въ Петербургскомъ университетѣ—которыя были не что иное, какъ изустныя предисловія къ Энциклопедіи права вообще. Хотя въ Московскомъ университетѣ я также имѣлъ обыкновеніе начинать курсъ cadaго академическаго года со вступительной лекціи, но такихъ лекцій почему-то у меня не сохранилось.

За извлеченіями изъ вступительныхъ лекцій, какъ за предисловіями, слѣдуютъ у меня извлеченія изъ моихъ лекцій, излагающихъ введеніе въ науку вообще и въ Исторію Философіи Права въ особенности.

Послѣ извлеченій изъ лекцій, излагающихъ введеніе, начинаются то главное, къ чему вступительныя лекціи служатъ только предисловіями, и во что введеніе только открываетъ

входъ,—начинаются извлеченія изъ лекцій, излагающихъ уже самое содержаніе Исторіи Философіи Права въ связи съ Исторіей Философіи вообще. Собственно содержаніе Исторіи Философіи Права составляютъ ученія философовъ о правѣ, въ смыслѣ праведнаго и справедливаго, или правды и справедливости, осуществляющейся въ обществѣ и государствахъ. Но ученія философовъ о правѣ находятся въ ближайшей связи съ ихъ ученіями о нравственности въ обширномъ смыслѣ этого слова; ибо право есть только одинъ изъ ея видовъ, входя въ ея составъ съ другимъ ея видомъ—съ нравственностью въ тѣсномъ смыслѣ, для обозначенія которой особеннымъ названіемъ можно пользоваться другимъ словомъ — моралью, хотя этимологическое значеніе морали (отъ латинскаго слова *morēs* — нравы) тождественно съ значеніемъ нравственности вообще (отъ русскаго слова — нравы). Ученія философовъ о нравственности въ обширномъ смыслѣ, т.-е. и о правѣ, и о морали, составляютъ содержаніе науки, называемой этикой; поэтому извлеченія изъ моихъ лекцій по Исторіи Философіи Права содержатъ въ себѣ ученія философовъ о правѣ въ связи съ ихъ ученіями о нравственности въ обширномъ смыслѣ, или съ ихъ этическими ученіями, насколько—разумѣется, въ послѣднихъ заключаются нераздѣльно ученія философовъ о правѣ, какъ это находимъ мы преимущественно у философовъ древности.

Наконецъ: извлеченія изъ лекцій по Исторіи Философіи Права съ такимъ опредѣленнымъ содержаніемъ излагаются здѣсь въ связи съ Исторіей Философіи вообще; это значитъ, что ученія философовъ о правѣ излагаются въ связи съ тѣми ихъ обще-философскими ученіями, въ которыхъ они коренятся, какъ въ своихъ принципахъ, или на которыхъ они основываются, какъ вообще частное основывается на общемъ, имъ утверждается, имъ оправдывается, отъ него отправляется, производится, происходитъ и къ нему восходитъ, возвышается, обращается, къ нему стремится и направляется.

Хотя на лекціяхъ я обыкновенно и подвергалъ критической оцѣнкѣ какъ общія, такъ и спеціально юридическія, политическія и этическія ученія философовъ, но отъ этихъ критическихъ замѣчаній мало что осталось въ моихъ запискахъ,

потому что въ нихъ я обыкновенно только вкратцѣ отмѣчалъ, о чемъ въ этомъ отношеніи говорить на лекціяхъ; исключенія изъ этого правила я дѣлалъ рѣдко.

Впрочемъ я придерживался того правила, которое учить взаимѣнъ своей личной, субъективной и потому уже односторонней, неполной и вообще произвольной критики, предлагать своимъ слушателямъ ту объективную, всегда всестороннюю, полную и непреложную критику, которую произносить надъ собою сама исторія, т.-е. время настоящее надъ прошедшимъ. Въ такомъ-то смыслѣ я понимаю и признаю справедливымъ изреченіе великаго поэта Шиллера: „Die Weltgeschichte ist das Weltgericht“.

При изложеніи философскихъ ученій древности, да и вообще болѣе или менѣе отдаленныхъ отъ насъ по времени, я иногда сближалъ ихъ съ ученіями новѣйшихъ философовъ или съ результатами новѣйшей науки вообще.

Въ моихъ объясненіяхъ излагаемаго я не имѣлъ права предполагать въ моихъ слушателяхъ какія-либо предварительныя или подготовительныя философскія свѣдѣнія, такъ какъ юристы въ нашихъ университетахъ не обязаны слушать лекцій по философіи вообще, ни даже по той наукѣ, по отношенію къ которой Исторія Философіи Права есть не болѣе какъ часть, именно лекціи по Исторіи Философіи вообще, между тѣмъ какъ нельзя же въ самомъ дѣлѣ предполагать достиженіе основательныхъ успѣховъ при изученіи части цѣлаго безъ цѣлаго; въ особенности же такая часть цѣлой Исторіи Философіи вообще, какъ Исторія Философіи Права, никакъ не можетъ быть безъ нея ни уяснена, ни понята надлежащимъ образомъ.

Наконецъ, замѣчу, что хотя мой подлежащій трудъ по Исторіи Философіи Права въ связи съ Исторіей Философіи вообще есть, какъ я сказалъ выше, воспроизведеніе или возстановленіе, реставрація моихъ лекцій, — насколько она была возможна, какъ по тѣмъ запискамъ, которыя еще у меня уцѣлѣли, такъ и по воспоминаніямъ, — однакоже, я нисколько не считалъ себя обязаннымъ стѣсняться до того, чтобы не дѣлать тѣхъ или другихъ добавленій къ извлеченіямъ изъ моихъ лекцій, преимущественно изъ новѣйшихъ, особенно за-

мѣчательныхъ сочиненій, если я находилъ эти добавленія полезными или необходимыми для моихъ будущихъ читателей.

Въ заключеніе считаю обязанностью публично заявить здѣсь мою искреннюю, глубокую благодарность многосторонне и основательно образованной М. В. Сабининой, которая съ усердіемъ и умѣньемъ добросовѣстно помогала мнѣ въ приготовленіи къ печати этого перваго тома и общала мнѣ свою помощь и впредь, ибо безъ такой ея помощи я, при настоящей, значительной слабости моего зрѣнія, лишенъ былъ бы возможности начать и продолжать этотъ мой послѣдній трудъ въ области той науки, съ которою, какъ съ лучшимъ другомъ моей жизни, меня можетъ разлучить одна только смерть.

І. ИЗЪ ВСТУПИТЕЛЬНЫХЪ ЛЕКЦІЙ.

1. Вступительная лекція 18⁶³/₆₄ академическаго года *).

Снова вступаю я на кафедру, которую долго занималъ въ Московскомъ университетѣ, вступаю и теперь въ нечуждый мнѣ университетъ, нѣкогда удостоившій меня высшей ученой степени доктора правъ; вступаю при тѣхъ же почти обстоятельствахъ, при которыхъ началась въ Москвѣ моя профессорская дѣятельность. Теперь, какъ и тогда, вводится новый уставъ русскихъ университетовъ; теперь, какъ и тогда, вводится въ преподаваніе нашихъ университетовъ если не новая, то, по крайней мѣрѣ, обновленная наука, составляющая предметъ моей кафедры. Слѣдовательно, теперь, какъ и тогда, отъ меня потребуется усиленная дѣятельность и притомъ опять такая, которая была бы согласна съ требованіями современности.

Не мѣсто и не время говорить теперь о современныхъ требованіяхъ по отношенію къ новому уставу вообще. Позволю себѣ только—какъ, думаю, слѣдуетъ всякому истому юристу—повторить и здѣсь то же желаніе, какое выразилъ я при введеніи въ дѣйствіе прежняго устава, желаніе и вмѣстѣ надежду, увѣнчавшуюся полнымъ успѣхомъ, чтобы жизнь поспѣшила опередить нашъ новый уставъ, какъ всегда опережаетъ она всякое законодательство тамъ, гдѣ извнѣ открытъ для жизни полный просторъ, и гдѣ внутреннею собственною силою она неудержимо мчится все впередъ и впередъ.

Остановлюсь на современныхъ требованіяхъ отъ препода-

*) Первая моя лекція въ С.-Петербургскомъ университетѣ.

вателя моей кафедры, въ отличіе отъ тѣхъ требованій, какія были нѣкогда поставлены уже пережитымъ нами временемъ, дабы съ самаго начала опредѣлить отношеніе, съ одной стороны, предстоящихъ лекцій къ прежнимъ, а съ другой стороны, отношеніе ихъ къ современности, и тѣмъ высказать мое пониманіе значенія и содержанія нашей науки, познакомить слушателей со способомъ изложенія, какого я намѣренъ держаться, и начертать общій планъ моихъ лекцій.

Первое различіе между прежними и предстоящими лекціями выводится уже изъ самыхъ названій, употребленныхъ для обозначенія предмета этой кафедры въ уставахъ прежнемъ и новомъ. Прежнимъ уставомъ вводилась въ наши юридическіе факультеты новая тогда у насъ наука подъ названіемъ „Энциклопедіи Законовѣдѣнія“; новый уставъ вводитъ науку хотя не новую, но, во всякомъ случаѣ, обновленную, подъ новымъ у насъ именемъ „Энциклопедіи права“. Прежнимъ уставомъ вовсе не опредѣлялся составъ этой кафедры; по новому уставу энциклопедія права составляется: 1) изъ энциклопедіи не только *юридическихъ* наукъ, какъ было прежде, но и наукъ *политическихъ*, и 2) изъ Исторіи Философіи права.

Весьма важные выводы изъ такого, повидимому, вѣднлаго различія, состоящаго, казалось бы, въ различіи однихъ только названій. Сдѣлавъ эти выводы, мы уже изъ самаго различія этихъ названій раскроемъ, чего требуетъ отъ преподаванія нашей науки новый уставъ въ отличіе отъ требованій прежняго устава.

Прежній уставъ, сказалъ я, называлъ эту кафедру кафедрой энциклопедіи законовѣдѣнія; новый уставъ—кафедрой энциклопедіи права. Что же тутъ важнаго? Вѣдь все различіе въ томъ, что слово *законовѣдѣніе* замѣнено словомъ *право*. О, нѣтъ, много, много важнаго. Чтобы показать эту важность, я долженъ, слегка, по крайней мѣрѣ, коснуться происхожденія у насъ названія энциклопедіи законовѣдѣнія, а не права. Это происхожденіе совпадаетъ съ другимъ, весьма важнымъ для насъ событіемъ — составленіемъ Свода нашихъ законовъ. Известно, что душою этого огромнаго предпріятія, которое, послѣ тщетныхъ усилій многихъ комиссій въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ, могло считаться, наконецъ, вовсе несбыточнымъ, былъ знаменитый государственный человѣкъ сво-